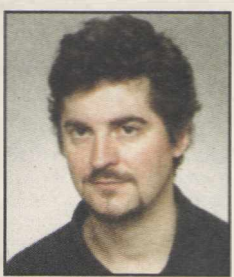

Дзидра РИТЕНБЕРГС:

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ РОМАН

ДМИТРИЙ МИНЧЕНОК

Он живет на окраине Риги, в маленьком деревянном домишке. Даже не верится, что это единственная награда за ее былую славу. Вместе с нею живут черный кот и серая собака. А также тени ушедших людей. Она с ними постоянно общается, разговаривает. Среди фотографий, висящих на стенах, одна — огромная — ее мужа, Евгения Урбанского. Впервые за последние 15 лет актриса согласилась на интервью...

— Дзидра Артуровна, все сказки начинаются примерно одинаково: со встречи принцессы и принца... С чего началась ваша история? Как вы познакомились с Евгением Яковлевичем?

— На кинофестивале в Москве. Это был шестидесятый... нет, пятьдесят девятый год. Каждая республика присылала своих представителей, я приехала вместе с Вией Артамане и еще с несколькими, сейчас уже неизвестными для русской публики актрисами. Кстати, театральную студию я закончила вместе с Вией Артамане. Мы были представители латвийского кино, а сам праздник происходил на стадионе "Динамо". Там должна была состояться церемония открытия. Мы, актеры, сидели все в одной комнате, ждали начала церемонии. Вдруг

Легендарная красавица, единственная за всю историю Венецианского фестиваля обладательница в нашем кино приза за лучшую женскую роль. Пятнадцать лет она хранила молчание. Пятнадцать лет, как зареклась рассказывать о своем горе. Забыли даже, что она жива. Она была звездой, хотя это как-то странно говорить — "была". Она ею остается. Дзидра Ритенберг. Легендарная красавица и... легендарная жена "коммуниста" Евгения Урбанского.

В своей жизни она делала все только единожды. Единожды поднялась на вершину славы, единожды любила и единожды потеряла мужа. О ее краткой истории любви можно слезать легенды. В самом деле, кажется, так не любили со времен Ромео и Джульетты. И любовь эта так же трагически оборвалась... От первого взгляда и до трагической гибели Урбанского в автокатастрофе минуло пять лет. Больше, чем в трагедии, но меньше, чем в нормальной жизни.

Дзидра Ритенбергс — звезда советского кино. Слава пришла к ней после первой же роли в кино — картину "Мальва", по рассказу Горького. Первая и последняя из советских актрис, получившая приз за лучшую женскую роль в Венеции. На одна из последующих ролей не имела столь шумного успеха. После гибели мужа практически оставила карьеру актрисы.

дверь открылась, и вошел такой красивый мужчина! До этого я видела его только в фильме "Коммунист". Как актер он мне понравился очень, но как о мужчине я подумала: какой он некрасивый! У меня в то время были другие представления о мужской красоте.

— А какие же?

— Ну, более западные...
— Типа Жерара Филипа или Жана Маре? (Смеется.)

— Нет, нет, нет. Скорее типа Роберта Тейлора. Это такой американский тип мужской красоты. Но тем не менее все мои идеалы были вкоре покорены... В тот момент на Женю был такой элегантно-черный костюм, в котором его плечи казались еще шире. И при этом он улыбнулся... Его белые зубы так и сверкнули. Я подумала: кому это он так улыбается? Оглянулась. Вижу, чуть поодаль меня сидят актрисы: Клара Лучко, Нонна Мордюкова... Женя улыбнулся им всем. Те сразу отреагировали, тоже заулыбались: "Женя, Женя!" Он к ним моментально пошел. Вдруг случайно взглянул в сторону и увидел меня. Замер, резко повернулся и пошел прямо на меня. Среди актрис наступила тишина. Вот так состоялась наша знакомство. С того момента он не отходил от меня ни на минуту. Даже когда я пошла получать командировочные в кассу, он бросился за мной, хотя туда входить не полагалось... С этого все и началось...

— А свадьба была шумная?

— Ну конечно! Отмечали в "Национале". Ох, я тогда за один вечер познакомилась с таким количеством тогдашних советских звезд... Совершенно неожиданно пришел этот знаменитый поэт... о, господи, забыла его фамилию... Михаил...

— Светлов?

— Да-да, Светлов. Он вошел так медленно, кажется, с тростью, посмотрел на меня и сказал: "Вы знаете, Женя, женщины лучше

жаб".

— Кто?

— Ну да, вот так он странно пошутил — "жаб".

— Странная метафора...

— Ему тогда было уже за шестьдесят, и он был женат на такой молодой, крепкой, чуть за тридцать грузинке по имени Радам. Мне очень понравился, как он про нее сказал: "Ну скажите, зачем старому еврейно такая крепость?!"

— Да... большой театр острит.

— И Миша Рошин был на нашей свадьбе. Если его увидите, передайте ему привет.

— А ваше чувство к Евгению Яковлевичу после свадьбы изменилось?

— Понимаете, я ведь сначала его полюбила какой-то материнской любовью. Он был совершенно не приспособлен к бытовой жизни. Как человек — очень ранимый. Он не умел защищаться... стеснялся, уходил в себя, проглатывал молча все обиды.

— А на него легко было наорать?

— Смотря кому. Например, если орал Михаил Михайлович Яншин, он терпел. Но больше никто. А в театре у него вообще была сложная ситуация. Его коллеги не выдержали славы, которая свалилась на него. Он был звездой. Наверное, ему завидовали. Ведь мало кто знает, что перед самой его гибелью его просто выжили из театра, он собирался уходить отсюда. Тогда режиссер Борис Львов-Анохин, который возглавлял труппу, специально со мной советовался, чтоб я как-то его отговорила от этого шага.

— А как Евгений Яковлевич к вам обращался?

— Как к маленькой. "Дзидрочка".

— А вы не испугались его прощлого? Ведь даже по тем "вегетарианским", по сути, временам, с такой биографией, как у него, было лучше "не высовываться"... Или он вам ни о чем не рассказывал?

— Ну что вы... Я знала все о его

трагической судьбе с самого начала... То, что он был из семьи крупных партийных работников. Его отец был вторым секретарем партии в Казахстане. В 37-м году его арестовали и отправили в концлагерь в Инту. Жену с двумя детьми сослали туда же. Отец сидел в лагере, а жена с детьми ютились в страшной землянке. И то... землянке им разрешили построить не сразу. Там он окончил школу, там же стал заниматься музыкой. А с отцом они общались через забор. Через много лет, когда его отца уже реабилитировали и предложили ему восстановиться в партии, он ответил: "Такая партия мне не нужна". Женя все это прекрасно знал. Но при этом отец Женин был настоящим, убежденным коммунистом.

— Как же с такой биографией он сумел стать героем той страны, которая изначально определила ему участь изгоя, парии?

— Наверное, это и зовется талантом, Божьей отменой, чудом! С одним маленьким фибровым чемоданчиком, сразу после школы, Женя поехал завоевывать Москву. Этот чемоданчик, кажется, у меня где-то сохранился.

— И завоевал?

— Конечно, нет... Оказалось, что с биографией, как у него, — это все равно что с вольным билетом... В итоге Женя нигде, куда хотел, попасть не смог и поступил в железнодорожный институт. Потом кто-то из друзей ему и говорит: "У тебя такой заметный рост, и пошел ты здорово, поступай на следуюший год в театральную школу".

— А какой у него был рост?

— Примерно метр восемьдесят семь. Он же вою юность мечтал стать атлетом, пока был студентом, постоянно тренировался, хотел хорошо выглядеть. По ночам ходил в атлетический зал и качался. Качался. Он хотел выглядеть и быть суперменом. В общем, был высокий, сильный, красивый...

— И как я понял, ему все время везло?

— Везло? Внешне да... В 53-м году он поступил в Школу-студию МХАТ. А дальше сыграл Коммуниста, эпизод в "Балладе о солдате"... А в 65-м он уже разбился. Значит, по сути, вся карьера у него длилась только девять лет.

— Даже восемь...

— ...Но это была очень яркая жизнь. С ним нельзя было состязаться ни по внутренней мощи, ни по внешним данным. Он был наделен стихийным даром. А стилихи капризны.

— Советская богема — это довольно странное понятие. Но тем не менее вашего мужа можно было назвать богемным человеком?

— Вы знаете, Женя нравился богемная жизнь. Ведь он же вырос из эзковского мира, мира вольных поселенцев. Его всегда подсознательно тянуло к веселью. Он знал самое дно жизни. Но он никогда бы не сидел за столом просто, чтобы пить, ему обязательно нужна была творческая компания. У него было много друзей из театра "Современник". Вообще у него была тайная любовь к этому театру. Он очень хотел там работать, но не получилось.

— А как на его материальном положении сказались фантастическая популярность, которая обрушилась на него после главной роли в фильме "Коммунист"?

— Практически никак. Сначала мы жили при театре... жили даже не в общежитии, а в какой-то комнате размером 6 квадратных метров, в том здании, где был склад с декорациями. Мы всегда слышали, как за стеной дышат наши соседи. И вы понимаете, что ни о какой личной жизни не могло быть и речи...

— А разве он не получил заслуженного артиста после первого успеха?

— Нет... Это было уже гораздо позже. Нашу московскую квартиру в районе Сокола мы получили только благодаря Михаилу Яншину. А до этого мы очень весело

жили в "окладском помещении"! У нас там частенько собирался весь артистический мир Москвы. Григорий Чухрай часто бывал... и Юрий Никулин. И Булат Окуджава приходил, и Володя Высоцкий. Володя мы в то время воспринимали как "бегущего мальчика", он все время куда-то торопился. Маленького роста и вечно — с гитарой... И как только куда-то приходил, сразу начинал петь. А мне была еще непривычна русская речь, я про себя сначала делала перевод на латышский и только потом выкала в смысл. А Высоцкий всегда пел так быстро, что я не успевала понять, о чем он поет. Но он пел с такой энергией! А первый раз я его поняла в гостях у Юлиана Семенова. У Юлиана в то время всегда собирались интересные люди и бывало очень весело.

— А как выглядел светский салон Семенова "по-советски", богато?

— Что вы! В той комнате, где мы собирались, стояли маленькая железная кроватка, два очень шатких венских стула и стол. Да, еще лампа была с абжуром из газеты. Юлиан все время лежал на этой кроватке, такой огромный и толстый, как классический "неубранный" русский мужик... Помню, как-то мы к нему пришли... Он медленно встал, достал бутылку водки, кружки, мы немножко выпили. Потом прибежал Высоцкий, начал петь под свою гитару. И пел он что-то про Ворошилова и про эзковскую жизнь. И вот тогда я впервые поняла смысл его песен...

— А как вы считаете, у Урбанского была та же энергетика, что и у Высоцкого?

— Нет, совершенно иная... Высоцкий был больше, как сейчас говорят, политический. А Женя был просто непримиримый. Он все время шел против течения. Это ему досталось от его отца, убежденного коммуниста.

— А вы были яростной комсомолкой, коммунисткой?

— Я вообще не была ни комсо-

молкой, ни коммунисткой. Я ведь родилась в Латвии. И Женя стал коммунистом как бы тоже исподволь. От него этого просто потребовали. Сказали: "Ты не получишь ни звания, ни квартиры, пока не станешь членом партии". Я недавно прочла какую-то заметку, в которой писали: "Как жалко, что такому актеру досталась роль коммуниста". А я считаю, что так, как сыграл он, никто бы не смог сыграть... Он наполнил эту роль такой искренностью, какая могла быть только у мальчика, прошедшего свое детство рядом с эзковской колонией...

— А вы успели хоть раз с ним поспорить?

— Ох!.. Соседи, которые с нами жили на улице Балтийской, не дадут соврать. Я когда соррилась, была посуду. Тогда к нам моментально соседи стучались, чтобы я не успела все разбить. Однажды он привез из какой-то командировки невысмысленной красоты три фарфоровые декоративные тарелки. Повесили мы их на стену. Однажды вспыхнула у нас ссора. Первое, что я разбила, была обычная тарелка, потом схватила со стены декоративную — разбила, схватила еще одну — разбила, беру третью... Вдруг Женя оставался и со смехом говорит мне: "Это последняя. Давай помиримся". И мы сразу бросились в объятия друг другу. Было в нашей жизни по-всякому. Но все равно это была любовь.

— А кто занимался у вас хозяйством, готовил еду, стирал?

— Стирала только я. Женю не позволяла... А готовить нам приходилось мало. Ели мы в основном в ресторанах. В "ВТО" сидели часто, в "Пекин" ходили. Женю там нравилось, а мне — нет. Мне нравилось только в Доме литераторов.

— А кто входил в вашу ресторанную компанию?

— Роберт Рождественский, он еще тогда не был певцом Кремля. Наши друзья-актеры... Юра Гребенников. Володя Анискин из Театра Станиславского. Збарский. У него была очень красивая жена. Она трагически скончалась.

— Евгений сделал ради вас что-нибудь такое, чего вы никак не ожидали?

— Женя за очень короткий срок выучил латышский, чтобы только в Москве разговаривать со мной на моем родном языке. И чтобы секретничать на людях. А как по-другому? Если ты жену любишь, ты учишься говорить с ней на ее родном языке. Точно так же и с государством: если ты его любишь, ты выучишь его язык. А если нет, зачем тебе тогда в нем жить?..

А второе... Он очень любил ходить на футбольные матчи, а я их терпеть не могла. И мы с ним заключили своеобразную сделку: я ему обещала пойти на футбол, а он мне в ответ обещал помыть окна в доме. Поэтому чистые окна у нас на Балтийской бывали только по дням, когда играли в футбол.

— А вы хорошо помните ваш последний совместный день? Вам снилось что-нибудь плохое, какие-то предчувствия были, что вы увидите последний раз?

— Нет. Представляете, мне ничего не снилось. Приснилось ему. У него был выходной, и он весь день провел дома. Спал. А я как раз пришла из театра. Звоню в дверь, он открывает мне какой-то растерянный, испуганный и говорит: "А ты знаешь, я уже встал". Спрашиваю: "Что такое?" — "Я во сне почувствовал, будто умер", — отвечает он — И так перепугался... а в этот момент вошла ты". А ему в этот вечер надо было уезжать в киноэкспедицию, на съемку... За ним пришла машина, он уже спускается по лестнице. И вдруг оборачивается и говорит мне: "Ты сегодня же вечером к маме в Ригу поезжай, а я тебе телеграмму пришлю туда, как приеду". Вышел из подъезда, я в окно высунулась — его провожаю, а он вдруг мне кричит: "Я забыл все свои галстуки. А вдруг мне выступать придется?" А я ему кричу: "Не возвращайся! Плохая примета... Я тебе их сброшу". Схватила все, что попало мне под руку, скрутила комом и бросила вниз. Галстуки упали на козырек над подъездом, и ему пришлось-таки за ними возвращаться... лезть на козырек... Потом он сел в машину, махнул рукой, и больше я его не видела.

— Вам рассказали, что его убило?

— Мне на "Мосфильме" показывали пленку. Там видно, как его машина летит с песчаной горки, ввязет в песок, потом переворачивается. А он сидит рядом с шофером... а на заднее сиденье в машину было заброшено железо — разной величины и тяжести железные бруски, незакрепленные. И вот один из этих брусков Женю прямо в затылок...

— А шофер?

— Он как-то успел выпрыгнуть. А Женя засунул руку в петлю каблука, и она ему не позволила выпрыгнуть.

— Но почему же этого не мог сделать каскадер?

— Ох, я уж и не могу это сейчас понять, объяснить. Как всегда, то-ропились. По сценарию в испытании новых машин принимал участие Женин герой — директор... Женя хотел сделать все сам. Вот так все и получилось...

— Как вам сообщили о происшедшем?

— Сначала позвонили ко мне домой в Ригу. К телефону подошел брат. Я заметила, что он как-то вдруг в лице изменился. Я ему говорю: "Рихарт, что случилось?" А он мне отвечает: "А, это у меня проблемы". А потом еще какие-то звонки пошли, и он, где бы ни находился, хоть в дальней комнате, все вперед меня бежит, хватая трубку. Я только слышу, что он отвечает странной фразой на все звонки: "Да-да, я знаю". А потом неожиданно в дверь звонок, на пороге стоят мои друзья... ничего не говорят... Я им: "Ребята, вы бы позвонили, предупредили, сейчас я вам кофе сделаю". Они говорят: "Нет-нет, нам не надо кофе". Мой друг-актер вытаскивает из кармана какие-то пилюли, протягивает мне и говорит: "На, выпей". Я отвечаю: "Мне нельзя, я беременная". Он в ответ: "Нет, можно, я с врачом посоветовался". Я спрашиваю: "Что случилось?". Он: "Нет, ты сначала выпей, это не повредит ребенку... Мне надо сказать тебе неприятную вещь". А перед этим мне рассказывали, что моя театральная учительница, которую я очень любила, очень плохо себя чувствует, и я подумала, что это с ней что-то стало. Они мне отвечают: "Да нет, это что-то с Женей случилось". А мне было все равно, что я спросила только одно: "Он жив?" А они, завязавшись, говорят: "Да ты не волнуйся, сейчас придут твои коллеги из Москвы и тебе все расскажут". А я даже предположить не могла, что он погиб. И когда они вошли, я по их лицам поняла, что это что-то самое худшее... И вы знаете, в тот момент, когда я все поняла, я подумала не о Женю, а о нашей актерской профессии... О том, что как все-таки мы неправильно играем смерть. Что на самом деле никакого крика нет, наоборот, я слышу все, что происходит вокруг, как мама плачет на кухне, и сама начинаю быстро действовать. Распоряжаясь, говорю брату: "Дай маме срочно сердечное". И предельно трезво все воспринимаю, а не так, как мы играем: крики, стелания. Перейти на эти запредельные эмоции невозможно, организм просто не выдержит... включается какая-то защита. И когда организм от эмоций защищается, человек начинает делать очень рациональные вещи. Плакать и кричать человек начинает намного позже. Я помню, что в этот год зима была очень ранняя. Я подошла к окну и на секунду увидела, что снег абсолютно черный, просто совершенно реальный черный снег. И вы представляете, до чего "не хороша" актерская суть... Я вижу черный снег и в этот момент вспоминаю слова какого-то автора, который описывает, что его героиня увидела черный снег. И я думаю: ага, вот при какой ситуации она его увидела. То есть все время сидит в голове кто-то другой, который наблюдает и анализирует каждую твою эмоцию, и ему все равно, что происходит с тобой как с человеком. Вот так вот. Но, наверное, только это и помогло мне выжить, родить ребенка. Она родилась через три месяца. Я назвала ее Женей.

— Она спрашивала у вас, где ее папа?

— Да... И каждый раз ей приходилось мучительно осознавать, что такое смерть... Как-то, когда она была еще совсем маленькой (это было перед Рождеством), она стояла на стульчике, смотрела в окно, спрашивала, когда появится Дед Мороз. А я ей говорила: "Ну вот сейчас он появится". И вдруг она спрашивает: "Мама, а мой папа ко мне никогда не придет?" Я ей сказала: "Никогда".

А потом летом в Ригу приехал на гастроли Театр Станиславского. С ним приехал один наш старый товарищ, который в чем-то был

похож на Женю. Он приходит к нам в гости. Моя Женя долго на него смотрела — она же видела своего отца только на фотографиях, — смотрела-смотрела, а потом подбегает ко мне и спрашивает: "Это мой папа?" Как я ей могла объяснить в том возрасте, что такое смерть? А однажды она ко мне прибегает с улицы в слезах и кричит: "Мама, дай мне срочно палочку фотографии". Я говорю: "Зачем?" Она: "А мне дети не верят, что у меня был папа". Схватила эту фотографию и побежала детям показывать, что у нее был папа. Такая вот грустная история.

— Что же стало с вами потом?

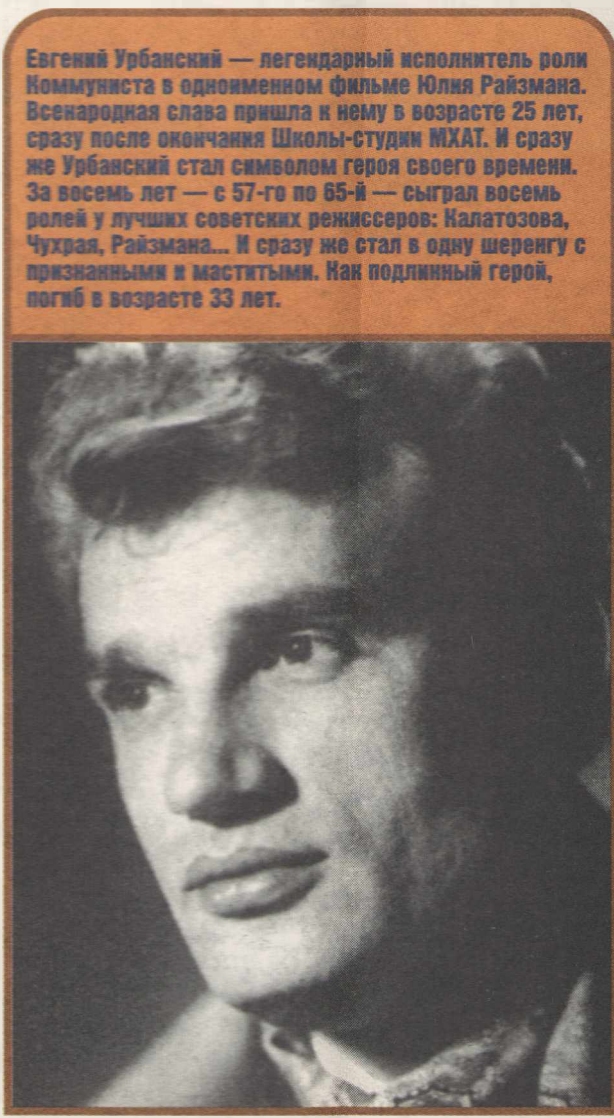
— Через два года, в 67-м году, я переехала обратно в Ригу. Квартиру я отдала государству. Другая меня отговаривала эту квартиру отдавать, говорили: "Дочь вырастет, будет жить в Москве". А я отвечала: "Вряд ли без Женю моя дочь будет жить в Москве".

— И это был финал вашей истории любви?

— Да... Я приехала на родину... Самое грустное, что и в Риге я была никому не нужна. И это сама точно знала. И в театрах уже появилось более молодое поколение. Мою место как актрисы было занято моими бывшими сокурсницами. У меня было ощущение, что меня очень недожужели встречают в Риге. Ведь никому не нужна была новая "звезда". Это означало, что какими-то актрисам пришлось бы с моим приходом потесниться... я должна была отнять у кого-то из этих "звезд" роли, славу, успех... И я ушла в режиссуру... Тогда была обидя, сейчас она прошла... Я стала режиссером. Кстати, эта профессия меня очень изменила, я стала жестче, резче...

— А ваша дочь... чью фамилию она носит?

— Мужа... Она — Евгения Урбанская. И очень похожа на отца... У нее сын — мой внук...

Евгений Урбанский — легендарный исполнитель роли Коммуниста в одноименном фильме Юлия Райзмана. Всенародная слава пришла к нему в возрасте 25 лет, сразу после окончания Школы-студии МХАТ. И сразу же Урбанский стал символом героя своего времени. За восемь лет — с 57-го по 65-й — сыграл восемь ролей у лучших советских режиссеров: Калатозова, Чухрай, Райзмана... И сразу же стал в одну шеренгу с признанными и маститыми. Как подлинный герой, погиб в возрасте 33 лет.